

Библиографические ссылки

1. Архив суда Новобелиц, р-на г. Гомеля за 2005 г. Уголов. дело № 1-326/05.
2. Архив суда Фрунзен, р-на г. Минска за 2009 г. Уголов. дело № 1-118/08.
3. Василевич Г. Оптимизация мер уголовной ответственности – потребность времени // Законность и правопорядок. 2010. № 1.
4. Калининвич В. Принцип индивидуализации наказания должен неуклонно соблюдаться // Судовы весн. 2009. № 2.
5. Константинов В.В. О либерализации уголовного наказания и прогрессивной мере материального удержания при совершении преступлений против собственности // Рос. следователь. 2009. № 21.
6. Саркисова Э., Дубовик А. Наказание в виде лишения свободы // Юстиция Беларуси. 2008. № 7.
7. Шаблинская Д.В. Проблемы исполнения наказания в виде конфискации имущества // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2009. № 1.

Дата поступления в редакцию: 10.09.10

УДК 343.123

И.А. Горояя, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ (1917–1999 гг.)**

Проведен комплексный анализ норм, регулировавших вопросы прекращения уголовного преследования на протяжении становления и развития белорусского законодательства советского и постсоветского периода до принятия УПК 1999 г. Также освещены взгляды ученых-процессуалистов на проблемы прекращения уголовного преследования в указанный исторический период, что позволяет выявить истоки сложившегося в современный период состояния рассматриваемого института.

Represents a complex analysis of legal norms which regulated the matter of the criminal prosecution abandonment during the process of arising and development of the Belarus legislation in the Soviet and post-Soviet period before the adoption of the new Code of Criminal Procedure in 1999. Viewpoints of different scientists-lawyers of the considered historical period at the problems of criminal prosecution abandonment are examined which makes it possible to reveal the basis of the current state of examined institution.

Совершенствование любого правового понятия и института невозможно без исторического осмысления его правовой сущности, опыта законодательного закрепления и рассмотрения в сопряжении со смежными институтами права. Прекращение уголовного преследования в системе уголовно-процессуального права в терминологическом смысле – институт не новый. Однако до настоящего времени неоднозначно воспринимается правоприменителем в практической деятельности в связи с длительным отсутствием конструкции «уголовное преследование» на законодательном уровне и закреплением в уголовно-процессуальном законе лишь в 1999 г.

К исследованию проблем прекращения уголовного преследования в советский и постсоветский период обращались такие ученые-процессуалисты, как М.С. Строгович, М.А. Чельцов, В.В. Николук, В.А. Дунин, А.А. Чувилев, Т.Н. Добровольская, В.В. Соловьев, В.З. Лукашевич, Т.А. Соловьева и др. На современном этапе к изучению исторических аспектов развития рассматриваемого нами института обращались в своих работах О.В. Волынская, Р.В. Мазюк, Л.Г. Лифанова, О.Б. Виноградова, О.А. Картохина. Однако в имеющихся работах не проводился комплексный теоретико-правовой анализ института прекращения уголовного преследования по отечественному законодательству советского и постсоветского периода.

Первые шаги советской власти после октябрьских событий 1917 г. были направлены на уничтожение старого суда и образование судебной системы, построенной на принципе участия эксплуатируемых классов в управлении государством. Советская власть на первых порах допустила применение Судебных уставов, в случае если их положения не отменены декретами советской власти и не противоречат «революционному правосознанию» [19, с. 18–19]. В начале 20-х гг. XX в. назрела необходимость в укреплении законности при построении молодого государства, в связи с чем была проведена кодификация по всем отраслям права, в том числе уголовно-процессуального. Постановлением 3-й сессии ВЦИК 25 мая 1922 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, нормы которого действовали и на территории Беларуси. Статья 4 УПК 1922 г. впервые употребляет на законодательном

уровне понятие уголовного преследования и регламентирует основания его прекращения: «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса» [15, с. 5]. Основания прекращения: за смертью обвиняемого; за примирением обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего; за отсутствием жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемых не иначе, как по таковым жалобам; за истечением давности; при отсутствии в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления. В ст. 206 гл. 17 «Окончание предварительного следствие» УПК устанавливает основания, когда предварительное следствие подлежит прекращению. Это основания, указанные в ст. 4, а также: 1) при необнаружении виновного; 2) при недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду лица, привлеченного ранее к делу в качестве обвиняемого [15, с. 51]. П.И. Люблинский отмечал, что «основания, указанные в ст. 4, влекут за собою прекращение производства во всяком положении дела, лишая судебную деятельность практической ее цели – возможности назначить наказание» [13, с. 160], а своевременное обнаружение следователем данных обстоятельств позволит избавить его и суд от лишней работы. При основаниях же прекращения, указанных в п. 1, 2, следователь должен полностью провести расследование и если привлечь кого-либо в качестве обвиняемого не представилось возможным, он выносит постановление о прекращении предварительного следствия, после чего следователь направляет дело в суд, которому оно подсудно, уведомив о том прокурора. Суд, рассмотрев дело в распорядительном заседании, выносит определение о прекращении дела, если согласится с постановлением следователя. В случае несогласия с прекращением направляет дело на дополнительное расследование. В качестве дальнейших оснований к прекращению следствия можно указать установление обстоятельств, устраняющих наказуемость деяния (недостижение виновным 14 лет, необходимая оборона, крайняя необходимость – ст. 18–20 УК), установление того, что лицо уже было осуждено за данное преступление и по этому делу постановлен вошедший в законную силу приговор (ст. 3 УПК) [13, с. 11]. Согласно УПК 1922 г. законодатель предусматривает полностью прекращение дела по основанию необнаружения виновного как в случае его неустановления, так и если все принятые меры розыска обвиняемого оказались безуспешными, что несвойственно современному УПК, предусматривающему приостановление дела в таких случаях. Такое основание прекращения, как недостаточность собранных по делу доказательств, является прообразом основания прекращения уголовного преследования в нынешнем уголовно-процессуальном законодательстве, предусмотренном ч. 2 ст. 250 УПК Республики Беларусь. Однако данное основание влечет прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, а расследование по уголовному делу продолжается в полном объеме в отличие от полного прекращения следствия по УПК 1922 г.

Утвержденный Президиумом ВЦИК 15 февраля 1923 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, официально распространивший свое действие на всю территорию Белоруссии с 15 апреля 1923 г. [5, с. 15], не внес изменений в нормы, регламентирующие рассматриваемый нами институт прекращения уголовного преследования [12].

Первый Уголовно-процессуальный кодекс Беларуси, изданный в 1927 г., основан на УПК РСФСР 1923 г. со всеми изменениями и дополнениями, внесенными в Кодекс постановлениями законодательных органов БССР, состоявшимися по 10 ноября 1927 г. включительно [9, с. 3]. Положения Кодекса дополнены ст. 4-а, которая введена в действие 9 февраля 1925 г. в порядке ст. 2 постановления 2-й сессии ВЦИК X созыва о порядке изменения кодексов. Статья предусматривает дополнительные основания для отказа в возбуждении уголовного преследования и прекращения производства по уголовному делу, а именно в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержит в себе признаки преступления, но не может признаваться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности. Прекращение уголовного дела в данном случае не лишает потерпевшего права возбудить гражданский иск без оплаты пошлины за подачу искового заявления [9, с. 8]. Статья 4 предусматривает ряд точных и определенных оснований, при наличии которых уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению. В ст. 4-а основания прекращения очерчены лишь объективно и прекращение в каждом отдельном случае находится на усмотрении прокуратуры и суда [16, с. 35]. Примечательно, что еще 22 ноября 1926 г. ст. 4-а из Уголовно-процессуального кодекса РСФСР была исключена постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 ноября 1926 г. [14, с. 7], а в Уголовном кодексе РСФСР (в редакции от 22 ноября 1926 г.) появилось примечание к ст. 6: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного» [18]. Таким образом, российский законодатель удалил данную норму из процессуального законодательства, придав ей чисто материально-правовой смысл.

До 1930 г. право окончательного прекращения производства по уголовному делу предоставлялось только суду. В связи с затруднением расследования постановлением ЦИК и СНК БССР от 5 сентября 1930 г. установлено, что «все дела прекращаются лицом, которое ведет дознание или следствие» [4], т. е. такое право было предоставлено следователям и органам дознания по делам, находившимся в их производстве.

В связи с тем что УПК БССР был основан на УПК РСФСР, нормы, изложенные в последующих редакциях Кодекса 1923 г., распространяли свое действие и на территорию Беларуси. § 2 к гл. 9 поста-тейного комментария к УПК БССР издания 1950 г. содержит разъяснение, введенное циркуляром прокурора СССР от 5 июня 1937 г. № 41/261, в котором говорится, что при прекращении дела за малозначительностью согласно примечанию к ст. 6 УК РСФСР не указывать в постановлении на дока-занность тех или иных фактов, не предрешать того, что эти факты имели место в действительности и действительно были совершены данными лицами, а ограничиваться указанием на то, что сами факты не могут быть рассмотрены как преступление в силу их малозначительности [10, с. 112]. Отклик дан-ного разъяснения мы находим в ч. 4 ст. 251 УПК Республики Беларусь о недопущении в постановле-нии о прекращении формулировок, ставящих под сомнение виновность лица. В 1930 г. в Украине вышел научно-теоретический и практический комментарий, в котором научно-практическая часть представлена автором С. Канарским, а теоретические очерки перед каждой главой профессором – П.И. Люблинским [16, с. 3]. Автор и редактор С. Канарский, комментируя порядок прекращения по УПК УССР, упоминает ситуации, когда в деле имеется несколько обвиняемых, а основания для пре-кращения дела относятся лишь к части из них. В этом случае «направление дела к прекращению или прекращение дела должно последовать немедленно, как только указанные основания в отношении данной части обвиняемых будут установлены, если только обстановка следствия не препятствует этому; в противном случае дело прекращается или направляется на прекращение по окончании след-ствия, или когда это станет возможным по ходу следствия в дальнейшем» [16, с. 201]. При этом пред-полагается, что следствие в отношении других обвиняемых продолжается. На это косвенно указывает примечание к ст. 203 УПК УССР, в котором говорится, что заключение следователя о прекращении в отношении некоторых обвиняемых уголовного дела при составлении обвинительного заключения прилагается к законченному следственному производству [16, с. 204]. Можно отметить, что теорети-ческие исследования прекращения уголовного преследования в Беларуси в рассматриваемый период до принятия УПК БССР 1960 г. не проводились. Регламентация на законодательном уровне полно-стью находилась в зависимости от союзных нормативных актов и законодательных актов союзных республик, несмотря на то что сам текст УПК БССР, содержащий нормы, регламентирующие пре-кращение уголовного преследования, почти не изменялся со времени издания в 1927 г.

С принятием УПК БССР 1960 г. термин «уголовное преследование» был исключен из употребле-ния в тексте закона, в связи с чем рассматриваемый нами институт прекращения уголовного пресе-дования почти 40 лет не существовал на законодательном уровне. Это было обусловлено рядом при-чин. Следуя традициям Устава уголовного судопроизводства в первые годы советской власти, уго-ловно-процессуальное законодательство заимствовало ряд институтов, категорий и терминов, среди которых категория «уголовное преследование». Исследуя проблемы уголовного преследования, Р.В. Мазюк отмечал, что многообразие научных подходов к пониманию данной категории и неодно-значность мнений, высказываемых по поводу соотношения данной категории с понятием «обвине-ние», обусловлено в первую очередь отсутствием законодательного определения уголовного пресе-дования, судебного преследования, преследования, а также их неединообразным использованием в нормах Устава уголовного судопроизводства. В целом понятие «уголовное преследование» носило общий характер и использовалось законодателем при регулировании приостановления, прекращения и возобновления производства по уголовному делу [3, с. 34–35].

Учитывая неоднозначность подходов законодателя к пониманию уголовного преследования и вследствие этого всего лишь эпизодическое употребление данного термина в уголовно-процессуаль-ном законодательстве до 1960 г., в теории уголовного процесса стали появляться разработки относи-тельно проблем уголовного преследования. К моменту принятия в 1958 г. Основ уголовного судопро-изводства, а в 1960 г. – УПК БССР в теории уголовного процесса доминирующей стала позиция М.С. Строговича, отождествлявшего понятия «возбуждение уголовного преследования» и «привле-чение лица в качестве обвиняемого» [8, с. 65]. В связи с этим произошло разграничение понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования». Первое из них было вос-принято законодателем как процессуальный акт, которым начиналось производство по уголовному делу. От употребления термина «уголовное преследование» законодатель отказался. Учитывая, что до принятия УПК 1960 г. понятие «уголовное преследование» в законе употреблялось при регламента-ции деятельности государственных органов при возбуждении дела и прекращении производства по нему, вплоть до принятия УПК 1999 г. «прекращение уголовного преследования» на законодательном

уровне оставалось неурегулированным. Отказ от данного института не мог положительно сказаться на практической деятельности органов, осуществлявших производство по уголовным делам. Исследуя вопросы уголовного преследования в рамках основных направлений деятельности прокуратуры, М.С. Шалумов отмечал, что «многие следователи при принятии процессуальных решений по уголовным делам применяли такие формы документов, как постановление о прекращении уголовного преследования и постановление об отказе в возбуждении уголовного преследования (в отношении отдельных эпизодов преступной деятельности обвиняемого либо в отношении отдельных лиц, причастных к делу)» [20, с. 13–14].

Рассматривая «прекращение уголовного преследования» в рамках конструкций «прекращение уголовного дела», «прекращение производства по делу», используемых в УПК 1960 г., можно сказать, что перечень оснований для прекращения уголовного дела был существенно изменен по сравнению с УПК 1927 г. Так, в дополнение к имевшимся в ст. 4 УПК 1927 г. появились основания: за отсутствием события преступления; в отношении лица, не достигшего возраста привлечения к ответственности; в отношении лица, о котором имеется неотмененное постановление о прекращении дела. Данные основания содержались в ст. 5 «Обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу», начальную фразу которой, предваряющую перечень указанных обстоятельств, законодатель сформулировал следующим образом: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению» [11, с. 6], тем самым подчеркнув универсальный характер указанных в статье обстоятельств как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве дальнейшего расследования, а также и на судебных стадиях, на что указывают ст. 208, 259, 357 УПК 1960 г., содержащие ссылки на ст. 5 [11, с. 164, 197, 261]. Статья 208 «Основания к прекращению уголовного дела» кроме указанных в ст. 5 как самостоятельное основание называла заимствованное из УПК 1927 г. основание к прекращению «при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств», также данная статья указывала на статьи Уголовного кодекса БССР – ч. 3 ст. 10, ст. 48–50, в которых содержались основания для освобождения от уголовной ответственности и наказания [17, с. 55–58].

В практической деятельности основание к прекращению уголовного дела, содержащееся в п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК 1960 г., вызывало затруднения правоприменителя. Так, В.В. Соловьев отмечал, что решая вопрос о прекращении уголовного дела при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, возможны два варианта: полное или частичное прекращение дела. При этом «следователь должен четко различать две ситуации: а) совершение данного деяния другим лицом не исключается; б) совершение данного деяния иным лицом исключено. В первом случае преступление является нераскрытым и дело прекращается лишь в отношении реабилитируемого. Во втором случае практика справедливо относит такие преступления к числу раскрытых и уголовное дело прекращается полностью» [6, с. 13]. Как видим, второй случай сродни «оставлению в подозрении» по Соборному уложению 1649 г. Как справедливо отмечал В.З. Лукашевич, «эти два случая сейчас объединены в одном основании, которые фактически даже невиновных реабилитируют не полностью...» [2, с. 55].

Часть 2 ст. 208 УПК 1960 г. регламентировала порядок прекращения дела в отношении отдельных обвиняемых, если основания к прекращению относятся не ко всем из них. Комментарий к данной статье пояснял, что в случае недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления и прекращения в связи с этим в отношении его дела, в остальной части дело должно быть приостановлено до установления виновного [11, с. 164–165].

Следует отметить, что достаточно распространенное на практике прекращение дела в части обвинения по УПК 1960 г. нашло свое закрепление в ст. 155 «Изменение и дополнение обвинения», именуемое в ч. 2 ст. 245 действующего УПК Республики Беларусь как прекращение уголовного преследования в той части обвинения, которое не нашло подтверждения. Как нам видится, удалив из УПК 1960 г. понятие «уголовное преследование» и воспринимая его как «обвинение», законодатель в ст. 155 этого УПК четко обозначил, что прекращение дела в части обвинения в случае неподтверждения предъявленного обвинения в этой части может состояться только после предъявления лицу обвинения. Т.А. Соловьева, исследуя проблемы «частичного прекращения дела», отмечала, что «в понимании и применении данного института нет единообразия как в следственной, так и в судебной практике. В одних случаях решение об этом вообще не оформляется, а в других принимаются решения под самыми различными названиями» [7, с. 3–4]. Данная проблема, как нам видится, остается актуальной и в современный период.

Неоднозначность в уголовно-процессуальной теории и правоприменительной практике вызывали такие основания прекращения уголовного дела, как «отсутствие события преступления», «отсутствие в деянии состава преступления», а также самостоятельное основание для прекращения дела в отношении лица, не достигшего возраста, по достижению которого возможна уголовная ответствен-

ность. Так, отсутствие события преступления еще не исключает наличие иных событий, а достижение возраста привлечения к уголовной ответственности является необходимым признаком одного из элементов состава преступления – субъекта – и в случае его отсутствия влечет отсутствие состава преступления. Среди процессуалистов не было однозначного мнения о целесообразности выделения в отдельное указанного основания. О необходимости дифференциации в законодательстве случаев, когда лицо совершает общественно опасное деяние, но не подлежит уголовной ответственности из-за недостижения предусмотренного уголовным законом возраста и когда лицо вообще не совершает общественно опасных деяний, высказывались В.В. Николук, Г.П. Химичева [1, с. 26].

За период становления белорусской государственности с момента коренного преобразования общества с 1917 г. до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. институт прекращения уголовного преследования прошел путь от эпизодического и несистемного употребления в законодательстве в результате заимствования из Устава уголовного судопроизводства до полного отождествления термина «уголовное преследование» с «обвинением» и полного изъятия из употребления законодателем. Однако во время применения норм УПК 1960 г. выявилась необходимость и практическая значимость категории «уголовное преследование» именно в рамках института прекращения уголовного преследования.

Библиографические ссылки

1. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007.
2. Лукашевич В.З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям // Правоведение. 1968. № 4.
3. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008.
4. Об изменении подсудности гражданских и уголовных дел и подсудности уголовных дел в связи с ликвидацией округов : постановление ЦИК и СНК БССР, 5 сент. 1930 г., № 218 // Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьян. правительства БССР. 1930. № 34.
5. Постановление 2-й сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР, 6 апр. 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений БССР. Законодател.-кодификац. отдел НКЮБ. 1923. № 4. Ст. 41.
6. Соловьев В.В. Недокананность участия обвиняемого в совершении преступления как основание прекращения уголовного дела в стадии расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1990.
7. Соловьева Т.А. Частичное прекращение дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1975.
8. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Акад. наук СССР, Ин-т права, 1951.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики. Минск : Изд-во Нар. Комиссариата юстиции БССР, 1927.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР (с изм. на 1 янв. 1949 г. и с прил. пост.-систематизиров. материалов). Минск : Гос. изд-во БССР, 1950.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. Комментарий / Т.В. Альшевский [и др.] ; под общ. ред. С.Т. Шардыко, Г.Ф. Басова. Минск : Госиздат БССР, 1963.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (переработ. во исполн. постановления IV сес. Всерос. Центр. Исполн. Ком. IX созыва). М. : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и пост. коммент. / П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский ; под общ. ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. М. : Право и жизнь, 1924.
14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : текст и пост. коммент. / М.С. Строгович, Д.А. Карницкий ; под ред. и с предисл. Н.Я. Нехамкина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВЦИК 25 мая 1922 г. М. : Аврора, 1922.
16. Уголовно-процессуальный кодекс советских республик : науч.-теорет. и практ. коммент. / С. Канарский, П.И. Люблинский ; под ред. С. Канарского. 2-е изд., испр. и доп. с изм. на 15 авг. 1929 г. Харьков : Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1929.
17. Уголовный кодекс Белорусской ССР. Комментарий. / И.И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. С.Т. Шардыко, Г.Ф. Басова. Минск : Госиздат БССР, 1963.
18. Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1923 года [Электронный ресурс] : введен в действие постановлением ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Учебник уголовного процесса / А.С. Кобликов [и др.] ; под общ. ред. А.С. Кобликова. М. : Спарк, 1995.
20. Шалумов М.С. Система функций российской прокуратуры : монография. Кострома : Костром. обл. орг. об-ва «Знание» России, 2003.

Дата поступления в редакцию: 16.07.10